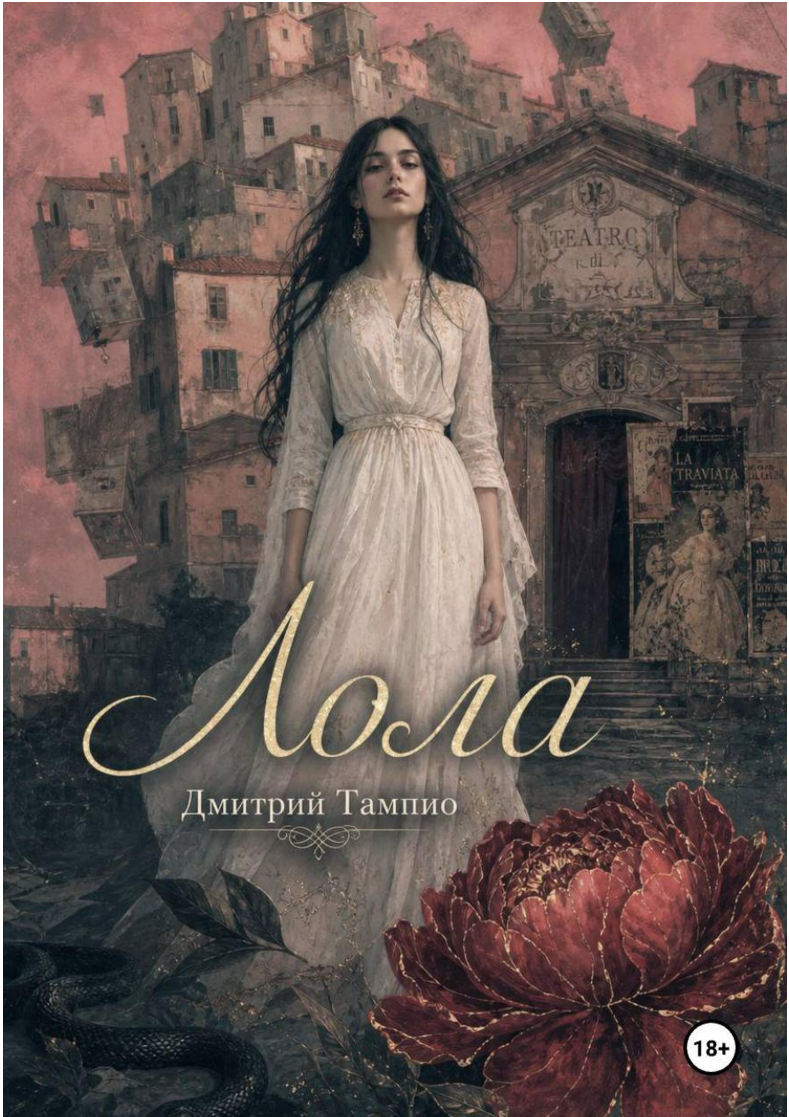

TEATRO
LA TRAVIATA
Лола
Дмитрий Тампио
18+

Дмитрий Тампио
Лола

https://litres.ru/74759013
SelfPub; 2026

Аннотация

Очарование в обмен на время.

Нейроситте — город, которого нет ни на одной карте. Здесь улицы меняют направление, дома живут по собственным законам, а желания исполняются за цену, которую не каждый способен осознать. Время здесь стало валютой, любовь — обещанием, а театр — целым миром.

Артур приезжает в этот загадочный город и встречает Лолу. Она прекрасна и непостижима, а её судьба тесно связана с Лоренцо Валериано — хозяином театра, человеком, способным управлять самой реальностью.

Пытаясь разгадать тайну девушки, Артур всё глубже погружается в историю, начавшуюся задолго до его появления.

Мистическая повесть о любви и утрате, человеческом выборе и времени, которое нельзя вернуть.

Содержание

ПРОЛОГ. Город, которого нет на карте 4
ГЛАВА 1. Дорога 8
ГЛАВА 2. Театр 16
ГЛАВА 3. Змея 27
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Дмитрий Тампио
Лола

ПРОЛОГ. Город, которого нет на карте

Нейроситте отсутствовал на всех картах мира. Его не было ни в списках портов, ни в реестрах торговых городов, ни в записях путешественников, прошедших побережье от края до края. Картографы оставляли на его месте пустое пятно. Спустя годы кто-нибудь брал кисть, макал её в голубую краску и закрашивал пятно морем. Другие штриховали холмами, чтобы лист выглядел законченным. Но стоило снова раскрыть карту, как краска на этом месте блекла и осыпалась, как морская соль с прогретых солнцем камней. Пустое пятно проступало вновь.

Город существовал вопреки чертежам. Он появлялся из чужой мечты, вырастал из сна, который человек однажды увидел и уже не смог забыть.

Над городом висело розовое солнце. Закат, разбавленный молоком. Оно застыло над крышами и заливало стены домов тёплым светом. Тени ложились не туда, где им полагалось.

Иногда ночью город засыпало снегом. По пояс. К утру он

оседал, сходил на нет и оставлял в воздухе запах бумаги. Снег был безвкусным, ненастоящим — реквизитор забыл добавить в него зиму.

Улицы меняли направление. Дома перемещались. Это не было ни чудом, ни проклятием. Просто менялись декорации. Город складывался чьими-то невидимыми руками и разбирался ими же, когда спектакль заканчивался.

Пять главных дорог тянулись от моря на север. Между ними лежал лабиринт переулков, где дома теснились так плотно, что, казалось, шептались за спиной прохожего. Стены почти соприкасались, крыши нависали над узкими проходами. Там всегда стояла прохладная тень.

Местные не спрашивали дорогу. Ноги сами несли их к нужному месту. Чужак пытался найти путь по карте, но та рассыпалась в руках. А на столе, где она только что лежала, проступал след от чашки — будто кто-то поставил чай и забыл убрать.

Говорили, что город сам находил тех, кто хотел его найти. Давал людям то, чего они жаждали больше всего. А платой становилось время жизни.

О Нейроситте рассказывали разное.

Первая версия: человек потерял любимую. Горе смешало для него сон и явь. Однажды во сне он увидел город, а проснувшись, обнаружил его вокруг. Сначала решил, что попал в рай. Потом понял, что это ловушка. Но было поздно. Он остался и стал частью города.

Вторая версия: человек захотел стать богом. Создать настоящий мир он не мог, поэтому сделал подделку. Вложил в неё мастерство и хитрость. Получилось так хорошо, что он сам поверил в реальность своего творения. Но богом он не стал. Настоящий бог не боится, что его мир развалится. Этот боялся. Он заперся в театре и принялся дирижировать невидимым оркестром, чтобы никто не услышал, как трещат декорации.

Третью версию рассказывали шёпотом. Город существовал всегда. До людей, до моря, до неба. Был местом, где сны обретали плоть. Потом пришёл человек, научившийся плести сны, и город стал таким, каким его знали теперь. Говорили, что этот человек до сих пор живёт и ждёт того, кто сможет его остановить. Потому что он устал. Даже боги устают.

Была и четвёртая версия, о которой не говорили вовсе.

В Нейроситте существовали те, кто собирал чужое время. Золото было эквивалентом. Скупщики и ростовщики принимали плату молодостью, годами, жизнью. Они приходили на свадьбы, стояли в тени и наблюдали, как гости бросают в корзины вестников монеты, снимают с запястий браслеты, с шеи — ожерелья. Каждая монета — час, каждый браслет — день, каждое ожерелье — год. Настоящей платой здесь оставалось время.

Очарование в обмен на время.

А ещё в ротонде у Хранителя лежала толстая книга в пе-

реплёте из чёрной кожи. В ней было записано всё: имена, даты. Напротив каждого имени — цена. Вычеркнуть запись нельзя — ни пером, ни ножом. Можно только передать её другому, переписать на того, кто согласится. На того, кто думает, что любовь сильнее правил. И ещё не знает, что правила сильнее любви.

ГЛАВА 1. Дорога

Телега выехала из ворот на рассвете.

Артур сидел на жёсткой доске, подложив под себя сложенную куртку, и смотрел, как удаляются знакомые улицы: серые стены, черепичные крыши, флюгер на старой башне. При каждом порыве ветра флюгер скрипел, будто ему делалось больно. Артур знал этот звук с детства. Знал каждую трещину на мостовой, каждую вывеску. Знал, что за поворотом будет колодец с железным ведром, а за ним — дом пекаря, от которого по утрам шёл такой запах, что кружилась голова.

Теперь всё это оставалось позади.

Мать сидела напротив. Прямая, неподвижная. Руки лежали на коленях — сухие, с выступающими венами. Она не держалась за борта, когда телега подпрыгивала на ухабах, не придерживала шляпу, когда ветер пытался сорвать её с головы. Просто смотрела вперёд, туда, где дорога уходила за горизонт.

Артур ничего не спрашивал. За три года после похорон научился не задавать вопросов. Мать отвечала односложно, и после каждого ответа тишина становилась ещё тяжелее.

На козлах сидел Томмазо, старый рыбак и их сосед. Он выделил им телегу и согласился подвезти. Его руки, покрытые шрамами от сетей, уверенно держали вожжи. Томмазо

правил молча, изредка щёлкая языком на лошадь.

Перед отъездом он предупредил:

— Довезу только до поворота. В город не поеду — мне ещё людей дальше везти.

Дорога шла вдоль побережья. Слева расстилалось море — серое, спокойное, как олово. Волны накатывали и отступали с ровным шорохом, напоминая страницы огромной книги, которые кто-то медленно перелистывал. Справа тянулись холмы, покрытые сухой травой. Она шелестела на ветру, и этот звук напоминал Артуру шуршание старой бумаги.

Он смотрел на море и думал: то же ли это море, что было у дома, или другое? Оно выглядело точно так же. Те же чайки кричали над водой, тот же запах соли и водорослей висел в воздухе.

Всё было как всегда — и всё было иначе.

Дома больше не было.

Попутчиков оказалось немного. Старик с лицом, изрезанным морщинами, всю дорогу жевал сухую корку и сплёвывал в пыль. Рядом сидела женщина с ребёнком на руках. Мальчик плакал, мать покачивала его и тихо пела.

Молодой человек в потёртом сюртуке читал книгу, держа её слишком близко к лицу. Иногда он шевелил губами, повторяя прочитанное. Артур попытался разглядеть буквы. Они красиво вились, как виноградные лозы.

— В Нейроситте едете? — раздался голос.

Артур повернул голову. Старик смотрел прямо на него.

Артур кивнул.

— Живу я там, — сказал старик. — По делам ездил. Теперь возвращаюсь. — Он помолчал, пожевал корку. — Хорошее место. Для тех, кто хочет забыть. Или для тех, кто хочет, чтобы их забыли.

Он посмотрел на мать Артура: на её прямую спину, неподвижное лицо, глаза, в которых не отражалось ничего.

— А вы, стало быть, из первых. Или из вторых. А может, и из обоих сразу.

Мать не отреагировала. Артур посмотрел на старика, ожидая продолжения.

— Только учти, мальчик: там всё не так, как кажется. Дома стоят на месте, а на самом деле двигаются. Улицы ведут прямо, а потом ты оказываешься совсем в другом месте.

Старик замолчал и махнул рукой.

— Впрочем, сам увидишь. Словами это не передать. Слово — как рыба. Пока в воде, блестит. Поймаешь — протухнет.

Он отвернулся и больше не произнёс ни слова.

Артур смотрел на его сгорбленную спину и думал: что за место такое, где дома двигаются? Но спрашивать не стал. Взрослые любят говорить загадками, а потом удивляются, почему дети их не понимают.

Женщина с ребёнком перестала петь. Мальчик уснул у неё на руках. Она посмотрела на Артура, покачала головой, будто жалея его, и отвернулась.

Молодой человек в потёртом сюртуке закрыл книгу и обратился к Артуру:

— Ты едешь в Нейроситте?

Артур не ответил.

— Я там был, — продолжил молодой человек. — Приехал искать работу. Нашёл хорошую. Платили щедро, кормили хорошо. А потом начал замечать странности. Сначала мелочи. Потом уже не мелочи. — Он криво усмехнулся. — Я уехал. Тихо, ночью.

— Почему? — спросил Артур.

Молодой человек посмотрел на него. Помолчал.

— Потому что город не отпускает. Сначала даёт тебе то, чего ты хочешь. Потом берёт за это плату. А ты платишь и не замечаешь, как отдаёшь самое дорогое. Пока не становится поздно.

Он снова открыл книгу. Больше они не разговаривали. Переплёт был старым, потёртым, а буквы на страницах всё так же вились, напоминая виноградные лозы.

Дорога тянулась долго. Солнце поднималось выше, становилось жарче. Пыль оседала на ботинках, одежде, лице. Артур считал придорожные столбы: один, два, три, пять, десять. Сбивался и начинал сначала.

Мать всё так же сидела напротив. Смотрела вперёд.

Отец умер три года назад. С тех пор мать изменилась. Перестала плакать, смеяться, готовить что-нибудь, кроме простой похлёбки. Она просто существовала. Как стена. Как за-

крытая дверь. Как вещь, которую невозможно сдвинуть с места.

Отец не был таким. Артур помнил его совсем другим.

Высокий, с сильными руками, пахнущими смолой и табаком. Он работал на верфи, строил лодки, которые уходили в море и не всегда возвращались. Приходил поздно, садился на порог, снимал сапоги и задорно спрашивал:

«Ну что у нас на ужин, капитан?»

А потом смеялся — громко, раскатисто, как гром в горах.

Артур коснулся пояса. Нож был на месте, как всегда. Он отвернулся к морю и большим пальцем провёл по костяной рукояти. Она была гладкой и тёплой от тела.

У самого основания лезвия виднелось клеймо: круг с крестом внутри. Артур видел его сотни раз, но никогда не спрашивал, что оно означает.

Отец говорил:

«Нож должен помнить руку».

Потом отец умер. В один день пошёл на верфь и не вернулся. Говорили, сорвалась балка. Говорили, он не успел отойти. Смерть, по словам очевидцев, была быстрой.

Артур не верил. Не мог поверить, что такой большой человек способен просто исчезнуть. Смерть не бывает быстрой. Она приходит и остаётся. Как тишина в доме. Как отцовский нож, который Артур с тех пор носил с собой.

После похорон мать не плакала. Сидела у окна, смотрела на море и молчала. День. Два. Неделю. Соседки приноси-

ли еду, произносили слова утешения. Мать кивала, вежливо улыбалась, а когда женщины уходили, снова поворачивалась к окну.

Артур пытался заговорить с ней. Рассказывал о море, о том, что видел на улице, о соседях. Она отвечала коротко: «Да», «Нет», «Хорошо».

Постепенно он перестал пытаться. Ему казалось, что мать ушла туда же, куда отец. Только отец умер, а она застряла на полпути. Тело оставалось в доме, а всё остальное — в том дне, когда отец не вернулся.

Однажды мать поднялась, вымыла чашку и сказала:

— Мы уезжаем.

Артур не спросил куда. Он знал: куда угодно, только бы не оставаться здесь. Не видеть это окно, эти стены, порог, на котором отец снимал сапоги и называл его капитаном. Не слышать тишину, которая с каждым днём становилась всё громче.

К вечеру телега добралась до поворота. Томмазо остановил лошадь.

— Приехали, — сказал он. — Дальше сами. — Томмазо поднялся с козел, крякнул, размял спину.

Он помог старику спуститься на землю. Артур помог матери.

За кронами деревьев виднелось розовое свечение.

Кто-то пролил закат и забыл убрать.

— Это он? — спросил Артур, показывая вдалеке на розовый закат.

Томмазо кивнул.

— Он. Нейроситте. Красивое место.

Томмазо взобрался обратно в телегу на козлы, щёлкнул языком на лошадь и тронул вожжи.

— Тебя довезу до места, — сказал он женщине с ребёнком. — Ты с ребёнком пешком не дойдёшь.

Телега тронулась. Колёса скрипели, пока повозка не скрылась за поворотом. Артур, мать и старик остались одни.

Старик внимательно посмотрел на Артура, достал из дорожной сумки флейту, поднёс к губам и продул от дорожной пыли.

— Ну, бывай, мальчик, — сказал он. — Может, ещё увидимся.

Он ушёл вперёд по тропинке быстрым, лёгким шагом, несмотря на возраст. Сгорбленная спина мелькала среди стволов деревьев и вскоре исчезла.

Лёгкий ветер трепал одежду. Пахло чем-то сладким, тяжёлым. Запах казался знакомым, хотя Артур не мог вспомнить, где встречал его прежде.

Мать подняла сумку и пошла вперёд. Артур взял свою и последовал за ней.

Они шли недолго. Тропа вывела на вершину холма. Вни-

зу лежал город. Небольшой, меньше, чем они ожидали. Белые дома, узкие улочки, площадь с фонтаном. Розовое свечение над городом пульсировало, как сердце. Артур смотрел на него и чувствовал, что внутри что-то отзывается в такт.

Он смотрел на город и испытывал странное чувство. Будто уже был здесь. Когда-то. Давно. Во сне… конечно, во сне…

Снизу снова потянуло сладким, тяжёлым запахом. Мёд и сандал.

Артур вдохнул и вздрогнул. Запах вошёл в него удивительно легко, будто давно ждал.

— Вот он, — сказала мать. — Нейроситте.

Артур продолжал смотреть на город.

Снизу не слышалось ни голосов, ни собачьего лая, ни скрипа колёс.

Мать стояла рядом. Смотрела на город.

Потом произнесла тихо:

— Он говорил, что здесь так пахнет.

Артур повернулся к ней.

— Кто говорил?

Мать подняла сумку.

— Пойдём. Нам ещё искать дом.

Она пошла быстрее вниз. Артур последовал за ней.

ГЛАВА 2. Театр

Утром Артур вышел из дома. Прикрыл дверь и спустился по скрипучим ступеням на улицу.

Базарная площадь уже гудела. Торговцы выкатывали бочки, раскладывали на прилавках рыбу, сыры, пучки сушёной травы. Перекликались зазывалы. Артур шёл вдоль рядов, читал вывески, вслушивался в разговоры. В девятнадцать лет он был крепок, широк в плечах. Его ладони знали вес топора и тяжесть вёсел. Но стоило ему заговорить о работе, как на него смотрели и качали головами.

Пекарь за прилавком, от которого шёл густой запах свежего хлеба, отмахнулся:

— Мал ещё. Приходи через год, когда борода вырастет.

Кузнец с руками-лопатами оглядел его и сказал:

— Худой больно. Молот не удержишь.

Торговец тканями даже не поднял глаз от счётов:

— Работы нет. И не будет. Ступай.

Артур благодарил каждого и шёл дальше. Отказы принимал спокойно. Привык. В каждом взгляде читалось одно и то же: чужой. Здесь чужих не любили.

Он свернул к рыбному ряду. Пахло солью и водорослями. Над головой кружили чайки. Двое мужчин грузили корзины на телегу и переговаривались.

— Театру помощники нужны. Лоренцо набирает. Для га-

стролей.

— Лоренцо? — второй сплюнул. — Опять кого-нибудь окрутит.

— Тише ты.

Артур подошёл.

— Где найти театр?

Мужчина с корзиной махнул рукой в конец улицы:

— Там, на площади. Не пройдёшь мимо.

Артур кивнул и пошёл в указанную сторону.

Улица была узкой. Дома жались друг к другу. Камни под сапогами были гладкими, вытертыми тысячами шагов.

Театр показался в конце улицы. Оливковая краска на фасаде облупилась. К входу вели каменные ступени — высокие, стёртые по краям, с щербинами, в которых забилась многолетняя пыль. Дождя здесь никогда не было. У подножия ступеней стояла афишная тумба — обшарпанная, обклеенная слоями бумаг. Они налипли друг на друга, как чешуя.

Артур подошёл ближе.

Краски били в глаза — алые, золотые, зелёные. Художник явно не скупился на цвета. А лица на афишах были нарисованы так, будто он никогда в жизни не видел людей. Или однажды видел, но не успел запомнить.

Артур удивился и поднялся по ступеням. Толкнул дверь. Петли скрипнули. Внутри стояла тишина. Пахло сыростью,

старым гримом и истлевшими театральными костюмами.

Он искал, где принимают на работу. Спросить было некого, и он пошёл наугад.

Коридор уходил далеко. Шаги гулко отдавались в пустоте. По обе стороны располагались комнаты с зеркалами. Зеркал было много: тяжёлые рамы, потускневшее стекло, пятна времени. Артур краем глаза замечал, как в отражениях шевелится что-то, чего не было в коридоре. Он резко оборачивался, но в стекле отражалась только его собственная фигура. Отводил взгляд и шёл дальше. Мимо складов, где на крюках висели наряды — пёстрые, тяжёлые, украшенные потускневшими камнями.

В конце коридора обнаружилась приоткрытая дверь. Артур заглянул внутрь.

Посреди комнаты стоял человек в чёрном сюртуке. Его руки двигались медленно и плавно. Он дирижировал мелодией, которую слышал только сам. Глаза в упоении закрыты. Седые волосы зачёсаны назад. Лицо сухое, гладкое, с тонкими чертами.

Артур остановился на пороге, не решаясь прервать транс незнакомца.

В комнате стоял навязчивый, сладкий запах мёда и сандала. На полке среди бумаг темнел маленький флакон с притёртой пробкой. Казалось, он и был виновником этого аромата.

— Ты кто? — спросил человек, не открывая глаз.

— Артур.

— Зачем ты здесь?

— Я ищу работу.

Мужчина остановил оркестр. Неохотно открыл глаза. Взгляд был цепким, оценивающим, как у торговца на базаре.

— Работу, значит.

Он обошёл Артура кругом, осмотрел с головы до ног.

— Театру нужен помощник. Поедешь на гастроли? Будешь собирать декорации, разводить огонь, делать всё, что скажут. Плата — хорошая еда и кров. Согласен?

— Согласен, — ответил Артур, не раздумывая.

— Я Лоренцо Валериано. Директор театра. Запомни это имя!

Он проводил Артура за сцену, в комнату, где собрались актёры. Человек десять — мужчины и женщины, молодые и не очень — пили вино, играли в карты, смеялись. Когда Артур вошёл, разговоры стихли. Все повернулись к нему. Он снова почувствовал себя товаром на базаре.

— Это Артур, — торжественно объявил Лоренцо. — Новый помощник. Будет с нами на гастролях.

Мужчина с длинными усами отложил карты. Он жевал сушёную рыбу.

— Молодой. Крепкий. — Марко хлопнул себя по коленям. — А плечи-то! Вот это я понимаю! Настоящий герой! Не то что я — усатый, пузатый, голос как у старого козла. Ты

не смотри, что я тут развалился. Я ещё ого-го! На прошлой неделе на сцене так нечаянно шлёпнулся, что три ряда аплодировали стоя. Правда, потом два дня спину ломило. Но это мелочи! Главное — впечатление!

— А глаза горят, — заметила женщина в красном платье. Она машинально поправляла кольцо на пальце. — Это хорошо. Горящие глаза — то, что нам всегда нужно.

— Я Марко, — представился усатый. — Играю героев. Ну, или пытаюсь. А это Беатриче, — он кивнул на женщину в красном. — Играет злодеек. Ей идёт.

Беатриче улыбнулась шире, усмехнулась и отпила вина.

— «Играет злодеек», — передразнила она Марко. — Как будто это роль. Это не роль. Это характер. — Она посмотрела на Артура. — Ты думаешь, я злодейка? Нет. Я просто устала. Играть злодеек легче, чем быть доброй. Добрых здесь съедают. А злодеек боятся. И страх — тоже внимание. Хоть какое-то.

— А это Пьетро, — Марко указал на старика с флейтой. — Наш музыкант. Играет на свадьбах и похоронах. Иногда на обоих мероприятиях сразу.

Пьетро поднял глаза от флейты и улыбнулся беззубой, лукавой улыбкой. Артур узнал его: тот самый старик, который жевал корку в телеге.

— Мы виделись, — сказал Пьетро. — На дороге. Ты ехал с матерью.

Артур кивнул.

— Ты тогда не слушал меня. А зря. Я говорил: здесь всё не так, как кажется. Но ты ещё молод. Успеешь понять.

Он помолчал, провёл пальцем по флейте.

— Я не стану говорить тебе: «Не подходи к ней». Бесполезно. Все говорят. Ты всё равно не послушаешь.

Пьетро поднял флейту, подул в неё и опустил.

— А теперь не мешай. У меня завтра похороны. Надо репетировать.

Он заиграл. Тихо, печально, будто уже прощался с кем-то у гроба.

Марко кивнул на женщину, сидевшую чуть в стороне.

— А это Мирра. Наша танцовщица. Одна из…

Мирра подняла глаза. Усталые, взрослые. Посмотрела на Артура, коротко кивнула и отвернулась. Она была единственной, кто не улыбнулся ему.

— А это Джулия, — продолжил Марко, указывая на рыжую девушку с веснушками. —Танцовщица. Молодая. Перспективная.

Джулия улыбнулась широко и ярко. Всплеснула руками. В пальцах у неё была лента, которую она непрерывно крутила.

— Ой! Ты новенький! Как здорово! У нас давно не было новеньких! Ты будешь с нами на гастролях? Правда? Это так интересно! Я обожаю гастроли! Новые места, новые люди, новые впечатления! Правда, дорога утомляет, кибитки тесные, а Пьетро храпит, но это мелочи! Главное — приключение! Ты любишь приключения? Я обожаю! Однажды я чуть

не утонула в море — представляешь? Меня спас рыбак! Он был такой красивый! Правда, потом оказалось, что он женат, но это неважно! Главное — впечатление!

Артур улыбнулся в ответ.

— А это Чезаре, — Марко указал на старика в углу, пересчитывавшего ящики. — Наш реквизитор. Он всё считает. Даже то, что не нужно.

Чезаре поднял голову, посмотрел на Артура поверх очков, кивнул и снова уткнулся в ящики.

— Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять, — пробормотал он.

Артур не понял, что тот считает. Ящиков было явно меньше.

— А это Нино, — продолжил Марко, указывая на маленького мальчика у ног Чезаре. — Помощник. Ну, как помощник. Он больше мешает.

Нино широко улыбнулся. Артур улыбнулся в ответ. Мальчик рисовал мелом на полу: одну кривую линию, за ней другую.

— А это Пикколо, — Марко кивнул на худого человека у стены. Тот стоял в стороне. Его руки дрожали, а лицо казалось постоянно испуганным. — Помощник Лоренцо. Всегда рядом. Молчит и дрожит.

Пикколо коротко кивнул и снова опустил глаза. Потом заговорил, не поднимая головы:

— Тут... сквозняк. Всегда. Я говорил синьору Лоренцо.

Он говорит: не твоё дело. А я... я не могу. У меня руки. От сквозняка дрожат. Всегда дрожали. С детства. Я не трус. Просто руки. Они сами.

Он замолчал. Уши покраснели.

Артур не знал, что ответить. Марко хлопнул Пикколо по плечу:

— Ладно, ладно. Никто тебя не винит.

Пикколо кивнул и опустил голову ещё ниже.

А потом Артур увидел её.

— Лола, — сказал Марко, указав рукой.

Она сидела на подоконнике, поджав под себя ноги. Не пила вина, не играла в карты, ни с кем не разговаривала. Просто смотрела в окно.

Артур заметил её босые ноги — тонкие, с длинными пальцами. В правой руке Лола держала сухую травинку. Бурую, сломанную. Медленно вертела её между пальцами, будто не замечала этого движения.

От Лолы пахло пионами. Настоящими пионами — тяжёлыми, сладкими. Артур прежде не чувствовал такого сильного запаха. Он даже не знал, что пионы могут так пахнуть.

Он хотел подойти. Заговорить. Но ноги не слушались.

— Не смотри на неё, — сказала Беатриче, наклонившись к нему. — Это плохо кончается.

Артур обернулся.

— Почему?

Беатриче помедлила.

— Потому что она... особенная.

В комнате стало тихо. Даже Пьетро перестал играть.

— Ты пугаешь мальчика, — сказал Марко. — Он только пришёл. Дай ему осмотреться.

— Я не пугаю. Я предупреждаю. — Беатриче посмотрела на Артура. — Ты хороший мальчик. Я это вижу. Не порти себе жизнь.

Артур ничего не ответил. Снова посмотрел на Лолу. Она по-прежнему смотрела в окно и, казалось, не слышала их разговора.

Мирра подняла глаза. Посмотрела сначала на Беатриче, потом на Артура и едва заметно покачала головой.

Артур приблизился к Лоле, чтобы заговорить с ней. Но в последний момент не решился. Вместо этого глупо подошёл к подоконнику — будто поправить штору — и нечаянно взял сухую травинку, которую она только что крутила в руке и, забывшись, бросила.

Дверь внезапно открылась. В комнату вошёл молодой человек — красивый, с правильными чертами лица, тёмными волосами и дорогой одеждой. В руках он держал папку с бумагами. Улыбался так, будто всё вокруг принадлежало ему.

— Пикколо. Бумаги из магистрата. Подпишите.

Пикколо взял папку, просмотрел документы и кивнул.

— Спасибо, Дарио. Ты всегда вовремя.

Дарио обвёл комнату взглядом. Скользнул глазами по Марко, по Беатриче. Мирра не подняла головы, будто не за-

метила его появления.

Потом он посмотрел на Лолу.

Дольше, чем следовало.

Артур почувствовал неприятный укол ревности. Он не имел на неё никаких прав. Они даже не были знакомы. Но это чувство возникло прежде, чем он успел его остановить.

Дарио улыбнулся и вышел. Дверь закрылась.

— Кто это? — спросил Артур у Марко.

— Дарио. Сын синьора Корси. Богатый, влиятельный. — Марко помолчал. — Три года назад был вестником. Теперь просто богатый бездельник. Но Лоренцо его любит. Дарио приносит бумаги и деньги для театра.

Артур кивнул. Слово «вестник» было ему знакомо. Он уже слышал его в городе, но смысл пока ускользал. Он запомнил лицо Дарио и его взгляд. Тот ему не понравился.

Вечером Артур вернулся домой.

Мать сидела за столом перед чашкой чая. Чай остыл. Она смотрела в окно.

— Я нашёл работу, — сказал Артур.

Мать обернулась. В её глазах на мгновение мелькнули радость и тревога.

— Какую?

— В театре. Помощником. На гастролях.

Она помолчала, потом произнесла:

— Театр — это хорошо. Там люди. Научишься быть с людьми.

Артур присел рядом. Взял мамину чашку и сделал глоток. Чай был горьким.

— Там есть девушка, — сказал он. — Лола.

Артур заметил, как дрогнула её рука.

— Я хочу её нарисовать, — продолжил он. — Только я не умею рисовать. Хочу запомнить её лицо, а оно ускользает. Как на рваных афишах на ветру.

Мать посмотрела на него.

— Не запоминай. Здесь не надо ничего запоминать. Здесь надо просто жить.

Она произнесла это тихо и ровно. Отвела глаза к окну, за которым темнело море.

Артур поднялся и пошёл в свою комнату.

Лёжа в постели, он нащупал в кармане сухую травинку. Достал её и поднёс к свету. Простая, бурая, сломанная. От неё пахло пионами и теплой землёй.

Он положил травинку на подушку, рядом с головой.

Ему приснилась дорога. Звёздная ночь. Пыль под ногами. Перед ним лежала мёртвая змея с потёртой чешуёй. Рядом стояла женщина с длинными седыми волосами. Артур не видел её лица, только силуэт. Вокруг лежал снег, но на нём не было следов.

Женщина наклонилась к змее и прошипела:

— Ты опять не успела.

ГЛАВА 3. Змея

Дорога тянулась вдоль побережья. Время от времени караван проходил через небольшие деревни. Серые каменные дома жались друг к другу, над крышами поднимались покосившиеся церковные маковки без крестов. Жители выходили к дороге и провожали гастролёров настороженными взглядами.

Артисты остановились в небольшом городке. Лоренцо объявил, что уже этим вечером труппа даёт спектакль для местной публики.

До этого дня Артур видел только репетиции. Он помогал устанавливать декорации, проверял крепления, таскал ящики и выполнял поручения Чезаре. Когда приготовления закончились, он занял место в последнем ряду.

На сцене играли Марко и Беатриче. Они изображали влюблённых: ссорились, обвиняли друг друга, мирились и снова расставались. Артур почти не следил за историей. Его занимали лица актёров. Страх, надежда, отчаяние, любовь — всё это возникало на их глазах, меняло выражение губ, звучало в голосах и исчезало, уступая место следующему чувству.

Краем уха он уловил, как кто-то объяснял сюжет:

— Марко играет мужа, а Беатриче — его жену. Марко изменяет ей — с Беатриче. То есть с той же самой актрисой, но

в другом, голубом, платье. Жена узнаёт и рассказывает обо всём чужому мужу, что его жена изменяет ему с её мужем…

— …и муж Беатриче — тот актёр, который играет её мужа, — убивает Марко, — подхватил другой голос.

— И что, его наказали?

— Нет. Его оправдали. Он защищал честь.

Артур слушал и хмурился. Он запутался, кто кому изменял. Но когда занавес опустился, Артур вздохнул с облегчением. Он решил, что всё закончилось правильно. Муж убил того, кто разрушил его семью, и его оправдали. Справедливость восторжествовала.

Он посмотрел на сцену, где Марко и Беатриче кланялись зрителям, и подумал: «Хорошая история. Понятная».

Потом на сцену вышла Лола.

Она танцевала босая, в белом платье, с распущенными волосами. Первые движения были медленными, почти незаметными. Затем музыка подхватила её, и тело подчинилось ритму. Лола кружилась, отступала, вытягивала руки, замирала на мгновение и снова приходила в движение.

Артур растворился в ней. Зал исчез. Осталась только она. Он видел только её.

Когда танец закончился, публика взорвалась аплодисментами. Люди поднялись с мест, кричали, свистели, бросали на сцену цветы. Лола стояла посреди этого шума и улыбалась.

Её глаза светились. Она принимала восторг публики, кла-

нялась, благодарила — но ей это было безразлично. Аплодисменты скользили по ней, не оставляя следа.

После спектакля труппа отправилась ужинать в таверну на побережье. Столы ломились от еды и вина. На полу стояли вёдра с огромными букетами, которые зрители бросали на сцену. Артисты ели жареное мясо, пили, смеялись, перебивали друг друга и вспоминали самые удачные моменты представления.

Артур устроился у окна.

За столом было шумно, но он почти не участвовал в разговорах. Перед глазами всё ещё стояла Лола. Её танец, поворот головы, улыбка в конце представления. Он пытался понять, что именно его так задело. Красота? Конечно. Но дело было не только в ней.

Вдруг рядом появилась Лола. В руке она держала кружку красного вина.

— Ты видел моё выступление? — спросила она.

Она села на скамейку, подогнув одну ногу под себя. Движение получилось лёгким и привычным, будто это место давно принадлежало ей.

— Да.

— И как?

Артур помедлил.

— Ты танцевала красиво.

Лола отпила вина.

— Спасибо.

Улыбка задержалась на её лице, но быстро исчезла.

— Только это не моё.

— Что именно?

— Танец. Движения. Аплодисменты.

Она посмотрела вокруг. За соседним столом Марко громко рассказывал очередную историю, Беатриче смеялась, Пьетро спорил с кем-то о музыке.

— Я просто делаю то, чего от меня ждут, — продолжила Лола. — Выходить на сцену, улыбаться, танцевать. Люди платят за это деньги. Им нравится. Значит, нужно продолжать.

— А чего ты хочешь?

Она повернула к нему голову. Вопрос, похоже, застал её врасплох.

— Сейчас не знаю.

— Совсем?

— А ты знаешь?

Артур задумался.

— Наверное, хочу найти своё место.

— И как оно выглядит?

— Не знаю. Но когда найду, наверное, пойму.

Лола посмотрела на него с неожиданным интересом.

— Хорошо сказано. Только место иногда находит тебя раньше, чем ты успеваешь его выбрать.

Она допила вино и поставила кружку на стол.

— Может быть, я тоже чего-то хочу, — сказала она уже тише. — Может быть, всего сразу. А может, того, чего ещё не встречала.

Она поднялась. Перед уходом провела пальцами по краю стола и растворилась среди голосов артистов.

Артур остался у окна.

Море за стеклом было чёрным. У самого горизонта тянулась тонкая розовая полоса. Он вспомнил свою старую книгу. В детстве он любил рассматривать картинки: корабли, моря, незнакомые города, людей в странных одеждах.

Однажды его надолго задержал рисунок корабля в открытом море. Ни берега, ни порта, ни флага. Паруса целые, мачты крепкие, палуба полна людей. Матросы стояли у борта и смотрели в воду. Куда они плыли, художник не указал. Казалось, из рисунка стёрли землю, а людей забыли убрать.

Раньше Артур придумывал истории об этих матросах. Корабль находил остров, люди сходили на берег, начиналась буря, кто-нибудь терялся, кто-нибудь погибал. Но ни одной истории он так и не довёл до конца.

Теперь ему подумалось, что, возможно, в этом не было необходимости.

Корабль продолжал плыть. Берега не было. Матросы смотрели вперёд. Они не знали, где остановятся, но пока ещё могли двигаться.

Он снова вспомнил слова Лолы.

Может быть, всего сразу. А может, того, чего ещё не встречала.

Артур и сам не знал, чего ищет в городе, которого нет на карте.

Прошло несколько дней. Городок остался далеко позади. Теперь караван остановился в степи. Кибитки выстроили кругом, в центре горел костёр.

Артур сидел у огня с миской похлёбки. Пьетро играл на флейте. Мелодия была неторопливой, с повторяющимися нотами, которые каждый раз звучали немного иначе.

Мирра появилась незаметно и устроилась рядом на перевёрнутом ящике.

— Ты новенький, — сказала она. — Я всё время забываю, как тебя зовут.

— Артур.

— Артур… — Она произнесла имя медленно, прислушиваясь к его звучанию. — Красивое. Нездешнее.

— Мне уже говорили.

— Кто?

— Все.

Мирра усмехнулась.

— Здесь все говорят одно и то же. Любят напоминать приезжим, что они чужие.

— А ты давно здесь?

Она не сразу ответила. Подбросила в огонь сухую ветку.

— Достаточно давно, чтобы перестать считать.

— Это много?

— Для одного человека — слишком много.

Артур посмотрел на неё, но Мирра уже продолжила:

— Томмазо, значит, привёз тебя?

— Нас с матерью.

— Томмазо знает эти места лучше многих. Возит людей, привозит товар, забирает заказы. Иногда увозит тех, кто решил, что с него хватит. Дело у него простое: деньги есть — садись, нет — иди пешком.

Мирра поворошила угли палкой. Несколько искр поднялись над костром и погасли.

— А ты, значит, сын той женщины, которая молчит?

Артур поднял глаза.

— Ты её знаешь?

— Видела несколько раз. У дома. Всегда стоит или сидит с таким лицом, будто ждёт кого-то, кто уже никогда не придёт. Прямая, неподвижная. Ни с кем не разговаривает. Тяжело тебе с ней?

— Я привык.

— Нет, мальчик. Это не привычка.

— А что?

— Привычка — когда перестаёшь замечать. А ты замечаешь. По глазам видно.

Артур опустил взгляд в миску.

Мирра помолчала, потом смягчила голос:

— Не обижайся. Я не собираюсь лезть в твою жизнь. Просто сижу здесь, разговариваю. Дорога длинная, а я не люблю молчать, когда рядом появляется новый человек. Новые люди интересны. Хотя бы первое время.

— А потом?

— Потом становятся похожими на остальных.

— Почему?

Мирра посмотрела на пламя.

— Потому что приезжают сюда с одним лицом, а через месяц у них уже другое. Сначала человек говорит, что никогда не останется. Потом начинает искать оправдания, почему ему нужно задержаться. Потом перестаёт говорить о возвращении. А ещё позже уже не помнит, зачем собирался уехать.

— И что с ними происходит?

— Смотря чего они хотели от города.

Артур отставил миску.

— А Лола? Она тоже изменилась?

Мирра повернула голову.

— С чего ты решил, что она изменилась?

— Я не знаю, какой она была раньше. Просто… Она почти ни с кем не разговаривает. Сегодня я поздоровался с ней, а она только кивнула и отвернулась. Будто меня нет.

— Она тихая. Такой характер.

— Но на сцене она совсем другая.

— На сцене многие другие.

Мирра замолчала. Артур ждал, но она больше ничего не

добавила.

— Ты говорила, чтобы я не подходил к ней слишком близко, — напомнил он.

— Говорила.

— Почему?

Мирра долго смотрела на него. В свете костра её лицо казалось старше, чем днём.

— Потому что ты не первый.

— Что не первый?

— Не первый, кто влюбился в Лолу. И не последний.

Артур усмехнулся, стараясь скрыть неловкость.

— Ты говоришь так, будто я уже проиграл.

— Я говорю так, потому что знаю, чем это заканчивается.

— Откуда?

Мирра взяла котелок, сняла его с огня и налила в кружку тёмный отвар. Протянула Артуру. Он принял кружку. Пахло чабрецом и дымом.

— Лола не принадлежит себе, — сказала Мирра. — Она часть театра. Ты можешь смотреть на неё, разговаривать с ней, даже думать, что она отвечает тебе взаимностью. Но однажды гастроли закончатся. Ты уйдёшь, а она останется.

— Почему она не может уйти со мной?

Мирра невесело улыбнулась.

— Она не может.

— Ей запрещают?

— Не всё решается запретами.

Артур нахмурился.

— Тогда чем?

— Правилами. Обещаниями. Долгами. Иногда человек так долго живёт внутри чужой воли, что уже не знает, где заканчивается обязанность и начинается его собственное желание.

Она отпила из своей кружки.

— Я служу в театре дольше, чем ты думаешь. Видела, как Лолу привели. Видела её первый выход на сцену. Первую улыбку. Первые слёзы.

— Она плакала?

— Да. Только слёз не было.

Артур хотел спросить ещё, но Мирра отвернулась к огню.

— Больше ничего не расскажу.

— Почему?

— Потому что так решила. И тебе советую научиться иногда останавливаться, прежде чем задавать следующий вопрос.

Она поставила кружку на землю и поднялась.

— Работай, Артур. Таскай декорации, разводи огонь, выполняй поручения. И смотри по сторонам. Слушай больше, чем говоришь.

Мирра остановилась.

— Оставь её в покое. Пока можешь. Пока она тебя не заметила.

— А если заметит?

Мирра посмотрела на него. В её взгляде не было ни насмешки, ни злости. Только усталость человека, который слишком много раз видел один и тот же исход.

— Тогда я тебе ничего не обещаю.

Она ушла к своей кибитке.

Артур остался у костра. Флейта Пьетро продолжала играть. Вокруг потрескивали дрова, кто-то смеялся, кто-то гремел посудой. Обычная жизнь шла своим чередом.

Он достал из кармана сухую травинку. Та всё ещё пахла пионами. Артур положил её на ладонь и долго рассматривал тонкие прожилки, подсвеченные огнём.

Маленькая вещь. Почти ничего.

И он хранил её.

Ночь выдалась душной. Артур долго ворочался в кибитке, прислушиваясь к дыханию спящих. Наконец выбрался наружу, сел на землю и поднял голову к звёздам.

Луна освещала степь тусклым серебром. Воздух был прозрачным, пах полынью и нагретой за день землёй. Где-то далеко шумело море. Или ему только казалось, что оно было так близко.

Артур закрыл глаза.

Сон подступал медленно.

Дорога перед лагерем покрылась за ночь мелкой серой пылью. В ней что-то шевельнулось. Сначала едва заметно. За-

тем из-под земли поднялась тонкая струйка, будто кто-то дул на пыль снизу.

Артур открыл глаза.

По дороге ползла змея.

Большая, толщиной с руку взрослого мужчины. Чешуя цвета старой бронзы была тусклой, потёртой. На боках виднелись царапины и старые шрамы. Казалось, она прошла долгий путь через камни, колючки и сухие русла рек.

Змея двигалась медленно. Поднимала голову, раскачивалась, останавливалась и снова ползла вперёд. Жёлтые глаза с узкими вертикальными зрачками были направлены на кибитку Лоренцо.

Полог оставался приоткрытым.

Артур вскочил. Рядом лежала длинная палка, которой вечером мешали угли. Он схватил её и бросился наперерез.

Змея почувствовала движение. Резко развернулась, подняла голову и зашипела. Артур замахнулся. Удар пришёлся по земле. Змея метнулась в сторону, обошла его и продолжила путь к кибитке.

— Лоренцо! — закричал Артур. — Просыпайтесь! Змея!

Голос сорвался.

Внутри кибитки послышалось движение. Кто-то спросонья выругался. В соседних повозках зашевелились люди.

Змея уже добралась до полога.

Артур бросился за ней, схватил за хвост и рванул назад. Тело оказалось холодным, скользким и невероятно сильным.

Змея извернулась, её голова метнулась к руке. Артур успел отдёрнуть кисть.

Он ударил палкой ещё раз. Попал. Змея отлетела в сторону, но не уползла. Снова приподняла голову и закачалась, готовясь к броску.

Артур понял: она не боится. Она охотится.

И её добыча находилась в кибитке.

— Лоренцо! Проснитесь!

Из повозки выскочил заспанный актёр в исподнем. За ним появились ещё двое.

— Не подходите! — крикнул Артур.

Он снова бросился на змею, прижал её палкой к земле. Холодная чешуя скользила под ладонями, мышцы перекатывались под ней, как натянутые канаты. Змея извивалась, пыталась освободиться, тянулась головой к его шее.

От неё исходил запах мёда и сандала.

Рука сама легла на пояс.

Нож.

Артур выхватил отцовское оружие. Костяная рукоять привычно легла в ладонь. Лезвие блеснуло в свете факела.

Он ударил.

Нож вошёл в голову змеи. Та резко дёрнулась, выгнулась, ещё несколько раз ударила хвостом по земле и обмякла.

Всё закончилось.

Артур опустился на колени. Тяжело дышал. Руки дрожали, одежда была покрыта пылью, на ладонях выступила

кровь.

Вокруг собралась труппа. Люди стояли молча, испуганно глядя то на него, то на мёртвую змею.

Из кибитки вышел Лоренцо. Накинул сюртук поверх ночной рубашки. Некоторое время он смотрел на происходящее, не произнося ни слова. Затем подошёл к Артуру, опустился рядом и положил ладонь ему на плечо.

— Ты спас мне жизнь, — сказал он тихо. — Я этого не забуду.

Артур поднял голову.

— Почему она пришла? Почему именно к вам?

Лоренцо посмотрел на мёртвую змею.

— Она чувствует запах.

— Какой?

— Мёд и сандал. Мои любимые духи. Подарок от дальних друзей. Или врагов… Уже не помню. Говорили, что они приносят удачу.

Он помолчал, словно прислушиваясь к собственным мыслям.

— Но змеи чувствуют их иначе. Для них это запах смерти. Или запах чужой сладкой жизни. Не знаю. Возможно, одно и то же.

— Значит, она пришла из-за духов?

— Похоже на то.

Лоренцо поднялся и отряхнул сюртук.

— Представляешь, Артур? Я всю жизнь считал этот запах

своим талисманом. А он едва не стал причиной моей смерти.

Он улыбнулся.

— Хорошо, что ты оказался рядом.

И ушёл в кибитку.

Артур остался на земле. Перед ним лежала мёртвая змея. Нож всё ещё торчал в её голове.

Он посмотрел на костяную рукоять, затем на лезвие у самой раны.

И увидел клеймо.

Круг. Крест внутри.

То же самое было на чешуе змеи, возле головы.

Артур замер.

Он достал нож, повернул его к свету. Клеймо на металле проступило отчётливо. Затем посмотрел на мёртвую змею. На её голове виднелся такой же знак.

Одинаковые.

Он помнил этот узор с детства. Видел его сотни раз на отцовском ноже. Никогда не спрашивал, что он означает. Считал обычной меткой мастера. Отцовской вещью, которую не нужно объяснять.

Теперь знак оказался на теле существа, пришедшего убить Лоренцо.

Артур почувствовал холод в пальцах.

Почему?

Что связывало отца, нож и эту змею?

Он снова посмотрел на клеймо. Ответа не было.

Неподалёку, у костра, сидел Пьетро. Старик смотрел на мёртвое тело. Долго, внимательно, не отрывая взгляда.

— Она не просто так пришла, — произнёс он.

Артур повернулся.

— Что?

— Змея. Такие не приходят случайно.

Пьетро провёл пальцами по флейте.

— Они идут на запах. На тот, который оставляет жертва. Иногда ищут долго. Очень долго. Но если однажды нашли, дорогу уже не забывают.

— Вы хотите сказать, она вернётся?

Старик не ответил сразу.

— Я хочу сказать, что она нашла его однажды. И найдёт снова. Если кто-нибудь не остановит её.

— Кто её послал?

Пьетро поднял глаза.

— Вот это тебе и предстоит узнать.

Артур посмотрел на змею.

— Но я же убил её.

— Ты убил змею, мальчик, а не причину, по которой она пришла.

Пьетро замолчал. Вскоре снова поднял флейту, но играть не стал.

Артур обтёр лезвие сухой травой и ещё раз рассмотрел клеймо. Потом нагнулся над змеёй и срезал небольшой кусок чешуи возле головы. На нём отчётливо виднелся тот же знак.

Позже, когда труппа немного успокоилась, змею оттащили подальше от лагеря. Артур вызвался помочь. Под светом факелов они выкопали яму и сбросили туда мёртвое тело.

Земля падала на чешую тяжёлыми комьями.

Артур стоял рядом и смотрел, пока змея не исчезла под слоем грунта.

Кто-то её послал.

Эта мысль не давала ему покоя.

Когда он вернулся, возле его кибитки ждала Лола.

Она стояла босая, в тонком платье. В руках держала бинт и небольшой горшочек с мазью.

— Дай руку.

Артур протянул ладонь.

Лола взяла его за запястье. Её пальцы были холодными. Не прохладными после ночного воздуха, а по-настоящему холодными. Артур невольно вздрогнул.

— Ты храбрый, — сказала она. — Я видела, как ты боролся.

Он покраснел и отвёл взгляд.

Лола смочила ткань, осторожно промыла царапины на руке и нанесла мазь. Потом стала перевязывать запястье. Двигалась медленно, сосредоточенно, словно от точности каждого движения зависело что-то важное.

— Ты часто перевязываешь раны? — спросил Артур.

— Часто.

— Здесь многие ранятся?

— Здесь многие делают вид, что ничего не болит.

Она затянула бинт и проверила, не слишком ли туго.

Артур смотрел на неё. В темноте лицо Лолы казалось особенно бледным. Глаза были глубокими, тёмными. Он пытался понять, что она сейчас думает.

— Ты не такой, как они, — произнесла она.

— Как кто?

— Как остальные.

Лола посмотрела в сторону лагеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.